

Новые известия - 2002 - 18 мая - с. 7

«Танец и футбол очень похожи»

Так полагает бывший спортсмен, а ныне лучший танцовщик «Золотой маски»

Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»

— Я мог представить, что наградят театр, спектакль, но чтобы меня одного? Хотя, может быть, в этом есть своя закономерность. Я никогда не изменял танцу, хотя со-блазны были сильные. С пяти лет занимался в ансамбле «Рассвет», очень любил сам процесс: весело, костюмы красивые, сапоги, после концерта фотографируешься. В общем, масса удовольствия. В десять увлекся футболом, и тоже получалось неплохо, играл в юношеской сборной Подольска. Так и делил время между спортшколой и ансамблем. После десятилетки пришлось выбирать: профессиональный спорт или искусство. Выбрал танец отчасти из прагматических соображений (легче было избежать армии), поступил на факультет хореографии Университета культуры, мечтал работать в ансамбле Игоря Моисеева. Тогда был самый пик увлечения народным танцем, мы все им болели. Потом, слава Богу, узнал огромный мир движений — джаз, модерн. Моисеевцы мне и сейчас нравятся, но пристрастия уже другие.

— Танец модерн — твоё единственное предпочтение?

— Классику люблю, хотя это не мое. Из танцовщиков самый любимый — Марис Лиепа. Он много вложил в классические партии образа, актерства, по-настоящему проживал свои роли. А если говорить о характере и умении добиваться своих целей, то, конечно, Рудольф Нуриев.

— Как произошла встреча с Нортоном?

— Все получилось спонтанно. Он приехал на московский показ Европейского данс-фестиваля (EDF) и проводил мастер-классы. Я тогда сдавал госэкзамены и попал только на последнее занятие. Детали уже вылетели, но помню, что поразили меня его широта и какое-то обостренное чувство воздуха. Когда он приехал ставить, мы начали заниматься его системой уже подробно. Нортона считает, что танцовщики привыкли работать на зеркало и пятьдесят процентов пространства остается неиспользованным. А его система эту неучтенную территорию задействует. Называется она «девять точек в пространстве», и предполагается, что тело надо распределить по этим точкам. Танцовщик должен ощутить себя как бы в кубе. Глазами нужно показать, в каком направлении двигаться, но ноги не должны опережать голову...

— Очень мудреная техника.

— Вовсе нет. Нортона составляет комплекс для разогрева определенных мышц. Хотя больше всего разогрева, конечно, в голове, сообразить надо усиленно. Но и спектакль, когда все артисты пропустили через тело эту технику, становится более танцевальным.

— Нортона очень придирчиво отбирает солистов, а тебе отдал роль, которую долгое время исполнял сам. Чем ты ему понравился?

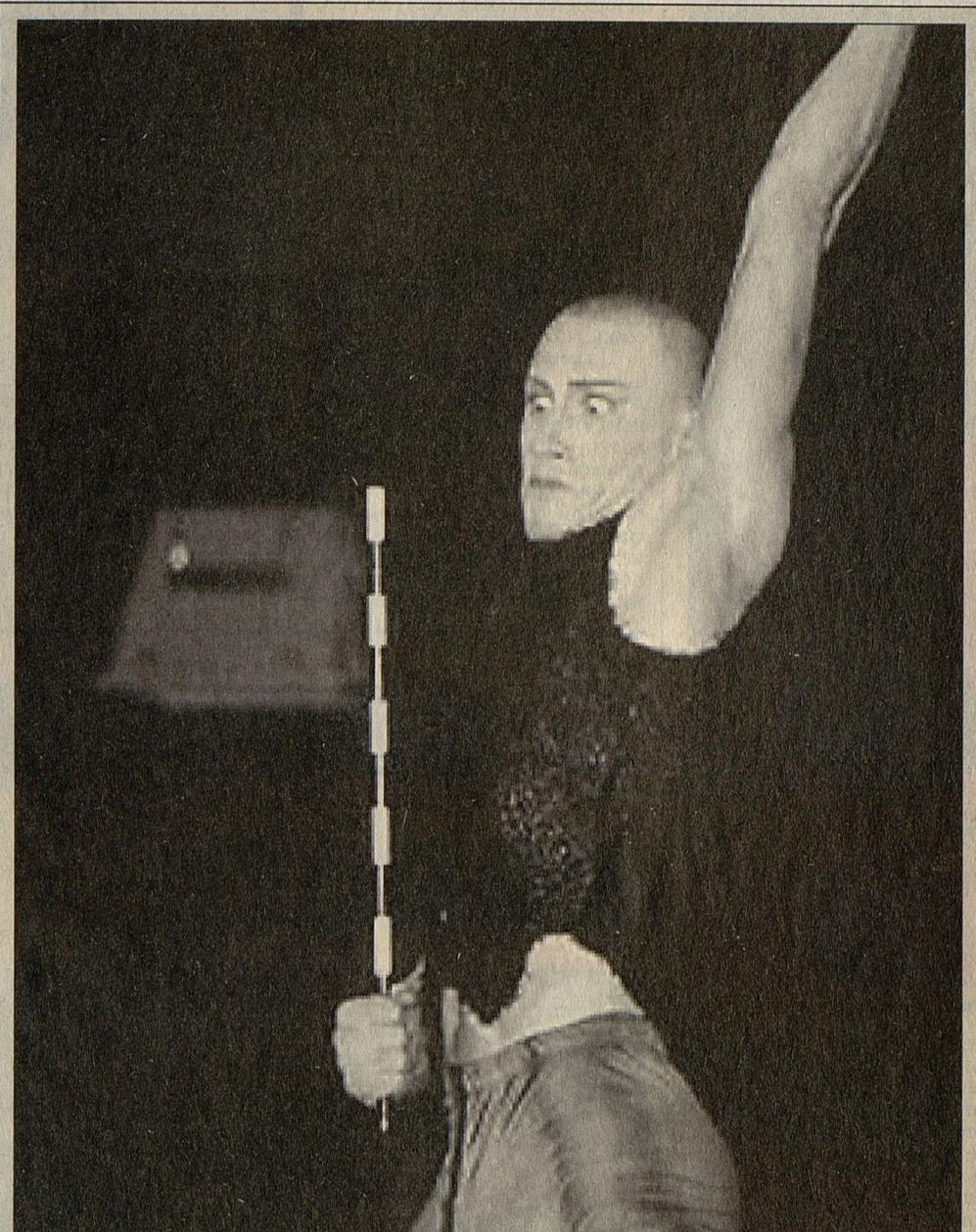
— Сам не знаю. Я много смеялся у него на занятиях, особенно когда мы делали класс. Он высокий, нескладный, руки-ноги длинные. Но когда начинает двигаться, просто поражает, как можно эти замысловатые штуки выделывать в таком темпе. Я старался его копировать от и до, вплоть до взглядов. Он меня сразу отметил, но любимчиком я себя не чувствовал. У нас было только три полноценные репетиции: он и я, без переводчика. Хорошо, что никто не смотрел: я полностью раскрепостился, на публику не работал, не думал, как делать — лучше или хуже.

— У твоего героя странное имя — Манипулятор, а в некоторых версиях — Одинокий слон.

— Это человек, который крутится в массе других людей, подстраивается под них, извлекает свою пользу и так забывается, что не замечает, как им в свою очередь манипулируют другие. Пластическое зерно этого действия Нортона жизнь подсказала. У его деда была парализована рука. Он смотрел, как тот управляется с неподвижной рукой, а позже эти воспоминания всплыли и стали танцевальным импульсом балета.

— А в себе задатки одинокого слона-манипулятора ощущаешь?

— Ну не совсем. У меня есть вторая половина, которая меня всегда поддерживает: Ульяна Бочерникова, жена и артистка нашего театра. Правда, танцевать с ней трудно. Еще со студенчества осталась

Когда завершился фестивальный показ спектакля «Взлом», члены жюри во главе с Николаем Цискаридзе дружно отправились поздравлять Романа АНДРЕЙКИНА. Блестящее выступление 23-летнего солиста «Балета «Москва» фактически предрешило судьбу национальной театральной премии. И это при том, что конкурентом Романа был Андриан Фадеев, великолепный мариинский солист, очень сильно выступивший в «Звуках пустых страниц» Шнитке-Ноймайера. Эксперты, хваля Андрейкина, соревновались в превосходных эпитетах, а между строк явно читалось: «Наконец-то!» Наконец-то в отечественном contemporary dance появился танцовщик высокого европейского уровня. Именно танцовщик — с синтетическими актерами-мужчинами, могущими в меру говорить, петь и двигаться, в нашем, из драмы выросшем contemporary всегда обстояло лучше. Равно как с постановщиками, открыто предпочитавшими режиссуру хореографии. Даже Андрейкин с его незаурядными физическими данными и богатым репертуаром вряд ли сумел бы так заблести,

если бы не Пол Селвин Нортона. Этот голландец американского происхождения, прошедший суровую выучку мэтра современного танца Уильяма Форсайта, перенес для «москвичей» спектакль 96-го года Rogue Tool, уже получивший статус культового и ставший в России «Взломом». Склонные к новациям артисты «Москвы» хорошо воспроизводят сложную «речь» гостя, а Андрейкин не только повторяет «слова», но и делает их своими, рожденными здесь и сейчас. Его координированное тело чутко откликается на изобретательные установки хореографа с их замысловатыми переходами от телесной конструкции к деконструкции, от четкой структуры к намеренному ее разрушению. Проще говоря, Андрейкин заставляет каждый сустав своего тела работать отдельно — зрелище само по себе увлекательное, а если учесть, что это не самоцель, а один из потаенных пластических смыслов, увлекательное вдвойне. Сам танцовщик знает себе цену, хотя и подчеркивает, что не только победа, но и номинация на «Маску» была для него шоком.

нервность, когда она училась на четвертом курсе и уже многое могла на сцене, а я был на первом и почти ничего не умел. Но это наши личные проблемы, а вообще в театре атмосфера замечательная, нетипичная, я бы сказал. Нет театральной злости, зависти, если кто-то получает роль, все поддерживают, советуют, как лучше сделать. В такой обстановке на конкуренцию силы не тратишь, просто работаешь для себя и зрителя. Что до склонности к манипуляции, то я просто играю. Хотя мой педагог, когда увидел дела «Взлом», сказала, что это я и есть, потому что в жизни постоянно кривляюсь.

— То есть в эстетику Нортона ты вошел легко и свободно?

— Нет. Сначала было очень нелегко существовать в этом спектакле. Когда первый раз посмотрел кассету, ужаснулся от обстановки на сцене: реанимация какая-то — белизна, хирургические лампы. В молодости Нортона был врачом, видимо, сказались отголоски его медицинских впечатлений. Потом привык, но, кажется, только сейчас начинаю понимать, что он требует.

— Выходит, хореограф тобой так манипулировал, что ты не понимал, о чем танцуешь?

— Отчасти так. Он мне объяснил: здесь ты будешь солдатом, здесь красивой девушкой. Потом осознаешь, что все это не внешние образы, а гораздо глубже. Я стал иначе смотреть на вещи. Например, есть болезнь, когда человек копирует окружающих непроизвольно, просто не может не повториться.

Я ловил себя на том, что еду в метро, а из образа выйти не могу. Кто-то напротив жует жвачку, и я начинаю жевать. Таких эксцессов было много, хотя танцую «Взлом» уже год, текст прочно уложился в теле и голове. Настолько прочно, что хочется нового, тянет на импровизацию.

— Если потянуло на импровизацию, значит, пришла пора самому ставить?

— Пытаюсь, и нравится безумно. В институте думал, что это не мое, по «искусству балетмейстера» имел стабильную тройку, пока однажды не дали задание поставить хоровод. Я сделал рисунки, положил на музыку, и получилось. Вот тогда и понял, как это интересно. Порой какие-то движения появляются непонятно откуда, словно по наитию. В театре предлагают попробовать, но я считаю, что еще рано. Пенсионного возраста ждаль не собираюсь, но необходимо дозреть.

— Кто из постановщиков тебе интересен?

— Саша Пепеляев, глава театра «Кинетик». Хотел бы с ним сотрудничать. Он делает движущий театр, такое оригинальное пространство и для танцовщиков, и для актеров, а мне интересно в этом миксте себя проявить. Жаль, что на взлете ушел из жизни Рома Кислухин (хореограф балета «Москва». — С.Н.), который очень мощно стал подниматься. Я должен был танцевать в его спектакле «Сто лет одиночества» по Маркесу. Он не успел его сделать. В европейском и американском contemporary есть много рациональных зерен, но мне ка-

жется, что здесь, в России, мы должны делать что-то свое. В общем, все хочется посмотреть, все попробовать, только времени катастрофически не хватает. Я в кино-то во взрослом возрасте еще ни разу не был. Репетиции, спектакли, опять репетиции... Понятно, что любое дело, если им профессионально занимаешься, требует жертв, но иногда наодевает.

— Хочешь изменить жизнь?

— Пока нет, а в будущем ферму бы завел. До сих пор вспоминаю, как ребенком летом жил в деревне: рано встаешь, рано ложишься, утки, куры. Выходишь на простор, и голова от восторга кружится. Порой хочется материализовать эти ощущения детства. Наверное, долго бы не продержался, но как-то сила к земле тянет.

— О футболе не жалеешь?

— Что жалеть, уже решено. Я доволен тем, как жизнь складывается. Спорту благодарен, он для начала дал все: физическую силу, выносливость, вкус к работе. Когда в университете учился, временами играл, а потом бросил из чувства самосохранения, разве что мячик иногда почечаню. В футболе мышцы другие работают, и тип движенья совсем другой. А вот смотреть хороший футбол люблю. Когда играют мастера, для меня это как бальзам на душу. Ощущение поля ни с чем не сравнится, так же как ощущение сцены. Они очень похожи — поле и сцена, футбол и танец. Сначала отдаешь свою энергию, а затем получаешь отдачу от зрителя. И чем больше отдаешь, тем больше получаешь.